

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗВАЯНИЯ МИНУСИНСКОЙ СТЕПИ

В 1929 г. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер опубликовали сводку, посвященную оригинальным памятникам древней культуры Минусинских степей — загадочным изваяниям, рассеянными в разных местах этого края и привлекавшим к себе внимание путешественников с начала XVII в. (Грязнов, Шпейдер, 1929). В ней описаны и хорошо воспроизведены монументальные изваяния, местами представляющие такой же существенный элемент степного ландшафта, как и курганы, составляющие достопримечательность и славу Минусинской котловины. С тех пор эти каменные гиганты с их странными фантастическими личинами не раз вызвали живой интерес ученых, временами почти такой же острый, как их далекие собратья с острова Пасхи. Такова, например, работа, посвященная семантике минусинских стел, этнографа-якутоведа Г. В. Ксенофонтова (1929) — автора необычной гипотезы о связи изваяний с намеченной им схемой «эволюции богов кочевого быта», отражающей переход от культа рогатого скота к культу коня.

Минусинские изваяния попали в поле зрения и тех исследователей, которые в 30-х годах видели в них отражение стадияльного развития древней мифологии в духе концепций академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова. Особое значение придавал им С. В. Киселев в своих широких исторических и историко-культурных построениях, где речь шла о связи

древних культур Южной Сибири с культурами других стран Запада и Востока. С. В. Киселеву принадлежит и попытка раскрытия идейного содержания этих памятников на основе стадияльной концепции Н. Я. Марра. Наконец, в новейшее время о возросшем внимании к минусинским каменным изваяниям свидетельствуют работы А. Н. Липского (1970) и Э. Б. Вадецкой (1967), где широко ставятся проблемы хронологии, относительного и абсолютного возраста, а также семантики стел. Во всех упомянутых исследованиях речь идет о больших каменных памятниках. И только в небольшой книжке А. Н. Липского (1970) — путеводителе по галерее таких изваяний, собранных в Хакасском краеведческом музее в г. Абакане, было опубликовано совершенно необычное изваяние, отличающееся от остальных не только деталями оформления, но прежде всего своими незначительными размерами. Оно представлено фотографиями в книге дважды. Первый раз на рис. 11 с подписью: «Козе палазы — дитя козе. Транспортабельное божество человеческого плодородия. Долина р. Уйбата»; на рис. 12 оно показано снова, на этот раз в руках А. Н. Липского, причем с той же стороны, что и на предыдущем рисунке. Под фотографией дана подпись: «Козе палазы — малелькое изваяние дитяти каменной старушки». Судя по соотношению изваяния с фигурой А. Н. Липского на фотографии,

длина предмета не более 50 см. Как пишет автор, на этом изваянии, названном хакасскими стариками за маленький размер ребенком (палазы) большого изваяния (козе), имеется типичная енисейская личина с элементами тотема — рогами и ушами быка. По словам А. Н. Липского, «в этом изваянии — уникаме среди уликумов — вызывает внимание тыльная сторона гальки, она отшлифована, точно о нее долго и усиленно терлись» (Липский, 1970, с. 8).

Теперь к этому «уникуму среди уликумов» прибавился еще один — аналогичное по размерам и оформлению миниатюрное изваяние, ко-

дегородка был столь же бесспорным, как и загадочным ее появление на берегу Обского моря.

Впоследствии история появления этого изваяния в Академгородке осложнилась: его в свое время будто бы нашли студенты-геологи на берегу оз. Шира и привезли в Новосибирск, где оно длительное время пролежало в кабинете биологического факультета университета, оставаясь неизвестным археологам, а затем было утеряно. Однако один из этих студентов, увидев рассматриваемое здесь изваяние, сказал, что там было найдено другое; таким образом, происхождение этой скульптуры остается невыясненным.

Рис. 1. Общий вид изваяния.

торое — что еще удивительнее — оказалось на территории Академгородка в Новосибирске, где ранее не было сделано вообще ни одной археологической находки.¹

Особенно неожиданным было то, что по всем признакам данное изваяние является характерно минусинским. Оно самое северное в этой группе южносибирских памятников и вместе с тем занимает в ней изолированное положение. От основной массы изваяний его отделяет «пустое пространство», где нет ничего похожего, если не считать предметов совершенно иного характера по материалу и сюжетам, лишь кое в чем отдаленно схожих — каменных миниатюрных антропоморфных изваяний типа «пестов» и изображений «коронованных» антропоморфных существ на глиняных сосудах из Самусек IV.

Итак, минусинский облик находки из Ака-

¹ Это объясняется тем, что Академгородок построен высоко над долиной р. Оби; лишь внизу вдоль русла реки на террасах располагались все известные нам ранее археологические памятники, в том числе многочисленные поселения и захоронения, исследованные экспедицией М. П. Грязнова в ложе Обского водохранилища (ныне в большинстве перекрытые его зеркалом).

Изваяние, которое является предметом рассмотрения, имеет форму массивной овальной в сечении сигары (рис. 1). Один конец ее расширен, противоположный сужен. Самое интересное в массивном расширенном конце предмета — его легкая сплюснутость, вследствие чего он напоминает уже не сигару, а рыбу. Перед нами как бы широкая рыбья голова. Иллюзия усиливается при взгляде на изваяние сбоку: с обоих боков имеются глубоко выбитые желобки, образующие рот. На широкой верхней стороне этой морды, выпуклой, как и полагается рыбьей голове, видны три параллельных продольных желобка. Выше отчетливо выступает окружность с усиками сбоку. В центре ее помещается кружок, выбитый относительно узким, но четким желобком. Внутри него — маленькая лунка-зрачок. В целом похоже, что здесь изображена одноглазая морда рыбы-чудовища, мопстра.

Следует сказать, что при общем совпадении по форме и размерам с первым миниатюрным изваянием это сложнее и богаче по художественному оформлению. У него, в отличие от абаканского, орнаментированы не одна, а обе стороны — брюшко и спинка, а также боковые плоскости.

Разобраться в сложном орнаменте на изваянии не легко. Однако с первого же взгляда ясно, что здесь представлены два основных элемента-мотива египетских изваяний.

Первый такой элемент — личины. Одна личина, самая большая, расположена на широком конце изваяния над рыбой мордой (рис. 2). Левая ее сторона сохранилась превосходно, правая сильно пострадала от времени, однако очертания могут быть легко восстановлены по уцелевшей части. Контур личины яйцевидно-овальный, расширенный в лобной части и суженный к подбородку.

бокам, снаружи трапеции, непосредственно примыкая к контуру личины, выбиты еще два таких же глаза. Личина, следовательно, трехглазая, как и полагается египетской.

В самом низу личины двумя concentрическими узкими овалами, расположенными поперек, показан ее рот. От него отходят вверх два кривых пламевидных коротких выступа, которые вместе с тем напоминают по своей форме и расположению клыки или усы чудовищного зверя. Снизу личина подчеркнута горизонтальной полосой, пересекающей поперек выпуклую сторону изваяния.

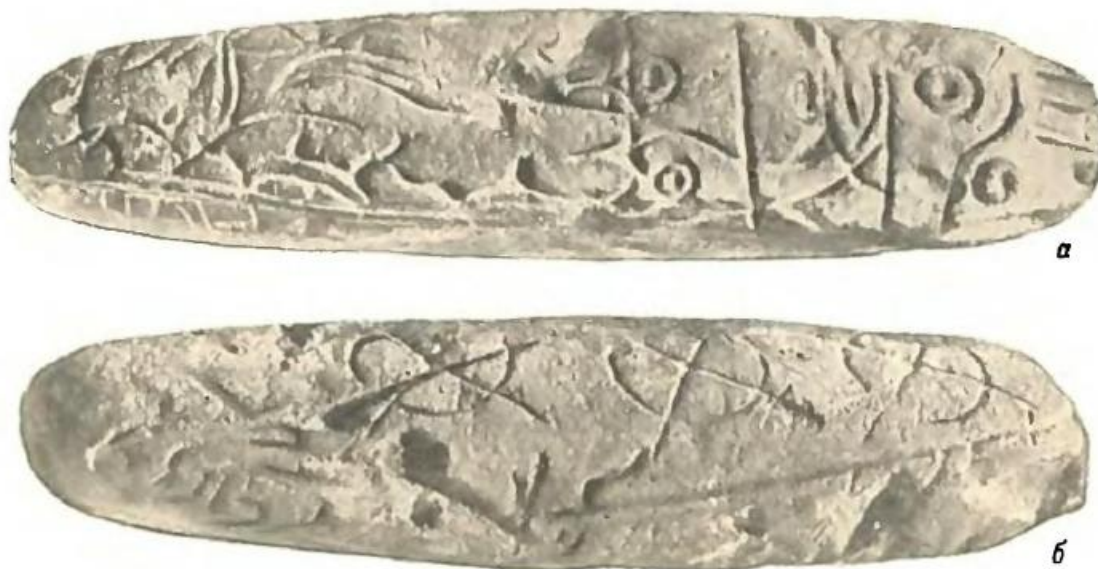

Рис. 2. Изваяние.
а — вид сверху; б — вид снизу.

Снаружи овала имеются острые лучеобразные короткие выступы. На самом верш изваяющийся, как пламя, длинный выступ, образованный тремя глубоко врезанными параллельными линиями; он, вероятно, сначала непосредственно смыкался с личиной, вырос из нее (нижняя часть изваяния пострадала от выветривания). Внутреннее пространство личины расчленено по горизонтали на две неравные и различные по оформлению части.

Поперечная линия — расчленяющий элемент — пересекает личину, выходит за ее пределы и завершается короткими овальными выступами, которые явственно напоминают змеиную голову. Здесь изображена как бы двухголовая мифическая змея-чудовище. От этой линии, плавно изгибаясь в виде дуг, обращенных выпуклостью внутрь, к середине личины, поднимаются вверх две линии. Они образуют фигуру в виде трапеции, внутри которой в верхней части находится четко оформленный желобками круглый глаз с лункой внутри. По

Вторая личина, меньшего размера, находится на суженном конце изваяния (рис. 2). Контур ее, как и первой, яйцевидно-овальный, но более узкий и вытянутый. Внутри этот овал также расчленен поперечной линией, которая в свою очередь пересечена кривыми вертикальными дугами. Дуги делят личину по вертикали на три части: среднюю и две боковых.

Средняя часть и поперечная линия расчленены еще короткой вертикальной линией, на конце которой имеется четко оформленное расширение, напоминающее по форме змеиную головку. В боковых частях симметрично размещены круглые, но довольно небрежно оформленные кружочки — глаза.

Вертикальная средняя линия со змеиной головкой на конце образует нос личины; по сторонам его внизу выбиты два кружочка. Они могут, по аналогии с личинами хорошо известных амурских петроглифов Сакачи-Аляпа, обозначать ноздри чудовища (Окладников, 1968,

1970). Внизу изображения — дуга, которая, видимо, передает рот. Личина снизу как бы подперта двумя изогнутыми линиями, похожими на шею антропоморфного существа.

Так выглядит эта вторая личина, если смотреть на нее со стороны первой, большей, личины, т. е. с широкого конца изваяния. Можно рассматривать ее и с противоположной позиции, т. е. с узкого конца. В таком случае наверху будут выступы в виде рогов. Внутри личины, в верхней ее части, получится дуга, огибающая лоб. Под ней — два симметрично расположенных глаза-кружочка, посаженных тесно друг к другу. Ниже по обеим сторонам личины имеются две кривые полосы, огибающие щеки. Между ними — нос. Но в таком случае отсутствует рот и остается непонятным, зачем здесь еще два кружочка, вписанных внутри щек. Почему эта личина даже не трехглазая, а четырехглазая?

В связи с этим следует сказать, что не исключено и такое предположение: перед нами комплексное, двустороннее существо, две разные личины, соединенные одним контуром, своего рода антиподальное изображение, как бы мифическая «двоица», вроде христианской или языческой троицы. Может быть, оно связано с определенной семантикой более широкого смысла, отражающей дуалистические представления о Вселенной как арене взаимодействия противоположных начал, добрых и злых, света и тьмы. Такие представления, как известно, широко распространены в мифологии различных народов (Ахриман и Ормузд в зороастризме и т. д.) и связаны в истоках с дуально-родовой организацией древнейших общин. К числу личин можно причислить и рыбу морду с ее орнаментальным оформлением. В таком случае их три — число священное.

Противоположная, уплощенная, сторона изваяния сохранила весьма четко выбитые узкими желобками знаки: три симметричных равновеликих круга. Каждый из них перекрещен поперечными линиями, концы которых выходят за контур наружу; внутри выбиты точки-лунки. Это второй элемент, характерный для енисейских изваяний.

По бокам видны плохо сохранившиеся, но первоначально достаточно глубокие длинные желобки. Слева и справа, на узком конце от полосы, образованной двумя такими параллельными желобками, отходят короткие усики-лучи. Кроме того, при переходе на брюшко изваяния имеются еще два более длинных желобка, загибающиеся по направлению к широкому концу предмета. Один из них явно заканчивается мидальевидной змеиной головкой. Рядом с ней уже полностью на брюшке выбита еще одна слегка искривленная линия, которая

заканчивается на обоих концах столь же отчетливо различимыми расширениями — змеиными головками. Около последнего круга более тонкими резными линиями выполнены миниатюрные рисунки. В числе их достаточно отчетливо выступают части фигуры оленя: круп зверя, очерченный плавной линией, и остатки закинутого на спину большого дугообразного рога с отrostками.

Если сравнить это изваяние с ранее известными минусинскими, то прежде всего обращает на себя внимание его общая форма, так удивительно напоминающая рыбу.

В литературе уже отмечалось сходство этих загадочных памятников древнего искусства Южной Сибири с рыбами. На это указывал, правда по отношению к оленным камням Тувы и Монголии, акад. И. И. Мещанинов, который пытался связать рыбообразные древние изваяния Сибири с не менее таинственными рыбообразными изваяниями языческого Кавказа — с вишапами Гехамских гор, хорошо известными археологам (Март, Смирнов, 1934; Пиотровский, 1939). «В настоящее время, — писал И. И. Мещанинов (1925, с. 407), — вопрос о вишапах получает еще больший интерес с обнаружением нового материала». Имелся в виду прежде всего оленный камень из с. Туран в Туве, верхняя часть которого напоминала форму головы рыбы; на нем сохранились изображения фигур аистов, гнезда и как будто также птенцов в нем. Об этом изваянии высказано вполне определенное суждение: «На границе Северной Монголии, в верховьях Енисея, оказался культовый памятник с тем же взаимоотношением птиц к захватчику вод рыбы-вишапу» (Мещанинов, 1925, с. 408). Изображения птиц имеются и на вишапах, головы рыб представлены и на других изваяниях Тувы и Северо-Западной Монголии.

Рассматриваемый нами предмет характеризуется по сравнению с другими сибирскими изваяниями такого рода наиболее отчетливым сходством с рыбой. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в мифологии народов Сибири и соседней Центральной Азии широко представлены существа, связанные с преисподней, с подземным миром, выступающие в облике рыбы или змеи. В сущности, они являются тут образом самой зооморфной Вселенной, вернее, ее нижней части — преисподней.

Поэтому нет ничего удивительного, что наше изваяние, как и другие, напоминает по общей форме рыбу или рыбообразное «чудовище бездны». Столь же естественно в его орнаменте семантическое сочетание рыбы со змеей, существом, которое занимает такое видное место в шаманской мифологии и ритуале. В частности, змеи имеются в облачении шама-

нов, где свисают с плеч шаманских плащей толстыми жгутами, нарисованы на бубнах, представлены на металлических подвесках.

Характерно, что змея на рассматриваемом изваянии выступает не только в своем собственном виде, изолированно, но и входит как композиционный, формообразующий элемент в состав деталей лички. Перекладина на большой личке заканчивается змеиными головками, нос малой лички представляет собой ту же змею, извивающиеся гибкие тела пресмыкающегося отходят от длинных полос на боках изваяния. Одним словом, всюду змеи! Нечто подобное, кстати, видно на амурских петроглифах, где именно змея-спираль является основой сложных орнаментальных построений.

Из этого следует, что на нашем изваянии, как и на других таких же, отражена космическая мифология, конкретно — связанная с представлениями о «нижнем мире» Вселенной.

Но вместе с тем на нем не менее рельефно выступает и противоположное начало этой космической мифологии — солнечное или небесное, «верхнее небо». Оно представлено тремя солнечными кругами с перекрестьем. Круг везде символизирует в мифологии солнце, а также небо и, наконец, Вселенную в целом. В данном случае круг снабжен крестом, который означает в мифологических концепциях не что иное, как четыре стороны света — Вселенной. Три солнца с крестами внутри, как и три личины, появились не случайно и легко объяснимы. Они представляют собой, очевидно, не просто заклинательную формулу и священное для многих народов в прошлом число три: это, нужно думать, именно 3 солнца, освещающие 3 части Вселенной — нижний, средний и верхний миры, — так как они представлены и в мифологических воззрениях шаманистов.

Для мифологического сознания древних почитателей нашего изваяния характерно и то, что личины со змеями расположены на одной стороне его, на спинке. Три солнца и, вероятно, позднее вырезанный олень находятся на противоположной или в данном случае можно сказать «противостоящей» поверхности — на брюшке камелной рыбы. Таким простым способом ясно показано дуалистическое противостояние двух космических начал, двух миров Вселенной — верха и низа, света и тьмы, добра и зла.

Что же касается фигуры оленя, то если даже она и вырезана позже других изображений основной композиции, то все равно легко и логично помещается в ее семантическом комплексе. Мы видим ее на той стороне, где выбиты три солнечных знака: олень златорогий — солнечный или небесный олень был зооморф-

ным божеством и тотемом, как полагает В. И. Абаев (1949), еще у древних скифов Причерноморья, Средней Азии и Южной Сибири. Ему именно здесь, среди солнечных символов, и место.

Таким образом, изображения рассматриваемой миниатюрной стелы объединены друг с другом прочной семантической связью. В основе их единства находится древний дуалистический культ стихий природы.

Конечно, это был не просто культ стихий, не просто почитание космоса, а культ, направленный на достижение определенных результатов магической колдовской практики. Эти цели, думается, были обусловлены потребностями, жизненно важными для древнего населения Минусинской котловины. Речь может идти об универсальном культе плодородия, где одинаково важно заручиться помощью подземных сил, в том числе вод, представленных властителями нижнего мира, изображенными в виде ужасающих чудовищ-личин, и змеями — их посланцами, с одной стороны, и содействием небесных сил — солнечного тепла, теплых летних дождей, способствующих произрастанию трав, изобилию молочной пищи, — с другой. Такой культ, как можно судить по огромному этнографическому материалу и сведениям письменных источников, реально существовал у множества народов земного шара, скотоводческих и земледельческих в первую очередь.

Весьма примечательно, что описанное изваяние, так же как и его более бедный по семантике двойник из Абаканского музея, имеет портативный, передвижной характер. Вероятнее всего, это был родовой или племенной фетиш, залог плодородия для людей и для скота. В отличие от монументальных изваяний его, очевидно, перевозили с места на место во время перекочевок и применяли во время специальных магических обрядов плодородия, где ему принадлежало центральное место.

В заключение следует вернуться к взглядам акад. И. И. Мещанинова о возможных связях между вишапами Кавказа и изваяниями Южной Сибири и Монголии. То, что он писал о родстве вишапов Кавказа с олепными камнями Тувы и Монголии, в такой же мере в общем относится и к новой находке.

Сочетание на рассматриваемой скульптуре элементов «нижнего» и «верхнего» миров такое же, как на вишапах: и там и тут отчетливо выступает культ змеи-воды и вместе с тем солнечных символов. На Кавказе и юге Сибири очевидна связь изваяний с дуалистической мифологией древних скотоводов и земледельцев бронзового века. Только на Енисее все это часто представлено по сравнению с Кавказом в более развитых и богатых формах.

Не исключена и реальная связь между кавказскими и енисейскими изваяниями, обусловленная конкретными историческими условиями начальных этапов бронзового века. Как мы знаем, это время было отмечено широкими контактами, вызванными решающим переломом в материальной культуре, хозяйстве и социальной структуре степных племен: обменом металлическим сырьем и готовыми изделиями, размахом перекочевок и переселений, межплеменными столкновениями и нередко походами

конных воинов в далекие страны. Исторически засвидетельствованными примерами таких походов могут служить передвижения скифских племен в страны Переднего Востока, а также их участие в бурных политических событиях того времени в Евразии.

Енисейские изваяния особенно ценны тем, что являются вещественным свидетельством сложности культуры и идеологии их создателей, сложности конкретно-исторических событий, протекавших в то далекое время.
